

«Дмитрий Александрович»

Битвы с картонными тиграми

Когда Дмитрию Александровичу ПРИГОВУ вручили Пушкинскую премию, это знаменовало конец эпохи. Русский авангард в лице концептуализма был канонизирован, а значит, безвозвратно сменил свое кухонно-бульдозерное место...

Пушкинская премия - престижная, немецкая, солидная и дается как бы в прошедшем времени. Выходили знаменитости и душевно поздравляли Дмитрия Александровича с наградой. Только Белла Ахатова Ахмадулина, как всегда трогательная и трепещущая до боли в горле, сказала как бы ни к селу ни к городу в этот знаменательный день, как спасала "вот этой самой рукой, никому не сдававшей зла", Пригова из психбольницы (есть версия, что вытаскала не она, а Попов с Ерофеевым, но это - уже история). Кому сделал зло Дмитрий Александрович, что его пришлось сажать, как диссидента со стажем, в психбольницу, понять несложно...

Потом Дмитрий Александрович, перенесший к тому времени уже два инфаркта, читал стихи столь мрачного метафизического накала, что на душе холодело. Совсем недалеко осталось время, когда тетка с перманентом в магазине где-то рядом с кольцевой дорогой Москвы, расталкивая народ локтями, спрашивала: "А стихи это ва... Пригова - есть?" И брала три штуки. Это был первый сборник "Слезы геральдической души". Только вымоешь посуду / Глядь - уж новая лежит! Уж какая тут свобода! Тут до старости б дожидать! Правда, можно и не мыть! Да вот тут приходят разные! Говорят: посуда грязная! / Где уж тут свободе быть!

В литературных кругах авторитет Дмитрия Александровича (никак не "Дмитрия Пригова" - это образ, имидж, это непрерываемо) как классика был неоспорим уже давно, поскольку, как говорит сам Дмитрий Александрович, его культурный возраст не совпадает с его художественным. То есть работает он очень давно, а знают широко его - не очень давно...

Я всю жизнь работал в расчете на очень небольшой круг людей, я писал с намеками, деталями, я рассчитывал на реакцию этого круга. И у меня до сих пор такое ощущение, что обо мне можно узнать только из первых рук, только от меня самого. У меня до сих пор осталась некая клаустрофобия социального типа. И поскольку какая-то известность пришла ко мне, когда мне было лет сорок шесть, у меня уже нет этой привычки рассчитывать, или любить, или сопротивляться, или зависеть от большого количества народа.

Пионер, Сталин и Павлик Морозов

Лет восемь-девять назад, когда на выступления Дмитрия Александровича можно было пойти уже не на кухню, а в Политехнический музей или в театр МГУ, непросвещенный, но живо реагирующий народ мог послушать, например, поэму "Мартин Лютер Кинг". "Мартин Лютер Кинг - ты непобедим!" - то ли кричал, то ли пел Пригов. Слушатели, кто попроще, реагировали живо, веселились и местами хохотали. Люди серьезной, литературоведческой направленности добивали свое, задавая серьезные вопросы о месте литературы в контексте энтосферы Земли и о дальнейшей судьбе искусства, правляя толстые очки, Дмитрий Александрович, сверкая неповторимой, опасной улыбкой, чуть приоткрывающей зубы, давал такие серьезные ответы, что первая категория слушателей просто ушам своим поверить не могла, что он только что читал: "Выходит слесарь в зимний двор! Глядит: а двор уже весенний! Вот так же, как и он теперь - / Был школьник, а теперь он - слесарь! А дальше больше - дальше смерти! А перед тем - преклонный возраст! А перед тем, а перед тем! А перед тем - как есть он, слесарь".

Это - стихи, если у кого есть сомнения. Поэзия, шутя, играючи, приняла форму своего времени, с его гротеском, ненатуральностью, обобщениями... Внутри же осталась мягкой и беззащитной: не будь этого, Пригова любили бы только культурологи.

С конца шестидесятых - начала семидесятых годов девяносто процентов художников и несколько литераторов стали разрабатывать новый тип языкового, культурного поведения, который, кстати, совпал с общемировым. Его отличали критическая направленность и сом-

нения по поводу права говорящего - говорить.

Н о мы разрабатывали это как культурную позицию, а с момента перестройки это совпало с социальной позицией общества: люди стали испытывать недоверие к любому словесному потоку, который пытался завладеть их сознанием. Недоверие к любой идеологии, которая пыталась доказать свою единственность. Художники же брали эти страшные идеологические конструкции как подсобный материал. Эти конструкции, до того претендовавшие быть вечными истинами, стали предметом игры, и благодаря игре с этими страшными орудиями убийства человек освобождался. Он понимал, что они не Богом дарованы, что их навязали люди. Что это - картонные тигры. Я думаю, что момент освобождения общества от этих картонных идеологических тигров и культурная практика совпали. Из этого как раз и рождается популярность, мода...

Культурная задача направления была шире и глубже, чем обслуживание социокультурных процессов, но если служат - почему нет?

"В буфете дома литераторов/ Пьет пиво Милиционер/ Пьет на обычный свой манер/ Не видя даже литераторов/ Они же смотрят на него/ Вокруг него светло и пусто/ И все их разные искусства/ При нем не значат ничего/ Он представляет собой Жизнь/ Явившуюся в форме Долга/ Жизнь - кратка, а Искусство - долго/ И в схватке побеждает Жизнь". В стихах Дмитрия Александровича с тем же невозмутимым спокойствием появлялись Пионеры, Павлики Морозовы, Сталины, Пожарники, Пушкин, Достоевский и так далее.

В стихах при этом не было осточертевшей карикатурности. Они с философичной отстраненностью рассматривали попавшие под руку предметы и приметы времени. Ну что подается, если под руку попадает "Милиционер прекрасный". Его можно поженить со Скорой помощью, можно предположить, что он по радию говорит именно с Богом, поле маков вырастает на том месте, где стоял на посту "Милиционер". Соц-арт разрушал стереотипы общественного сознания изнутри, но не менее действенно, чем перестроечная публицистика.

Но при этом в прокрустово ложе приговского творчества с той же легкостью, по его собственному добровольному признанию, попадали и язык Пушкина, и язык Ахматовой, и язык Цветаевой.

...Сначала было ясно, что надо освободиться от советского мифа, убедиться, что он не порождение небес. Каждый язык истинен в своих пределах, но когда он пытается через них перейти и завладеть всем миром, он становится абсурдным, тоталитарным.

И он при этом не обязательно должен быть языком тоталитарной политической системы. Вот фрейдизм, например, возник в условиях психоанализа, а потом захотел стать главным языком Вселенной, описать все со своей точки зрения, отменить все другие языки. Причем на советском языке как бы лежало клеймо дья-

вольщины, над ним можно было насмехаться, разрушать его, а вот когда я брал язык Ахматовой - мне говорили: "Маяковский - это понятно, а с Ахматовой зачем же так?"

(То, что Дмитрий Александрович сам прекрасно говорит на густом культурологическом языке, можно убедиться, почитав, например, его интервью.)

«Уж какая тут свобода...»

Интересно, кстати, его высказывание, что стихов своих (а их несколько десятков тысяч) он не помнит и не старается запоминать. Написал - отпустил. Прозу, по его признанию, читать не любит, читает только знакомых людей - Сорокина, Попова, Ерофеева, Сашу Соколова. Получается такое домашнее чтение. А так - неинтересно, сразу ясно, как вещь сделана, каким языком написана. К критике относится холодно, к актуальности своего творчества - тоже холодно. ("Художник не может быть все время актуален - сначала творчество актуально, потом его канонизируют, потом оно разлагается, потом, если повезет, оно превращается в мощи"). То есть никаких иллюзий.

Работает много, выставляется и выступает тоже много (вообще-то Дмитрий Александрович - художник, а еще он активно инсталлирует и занимается прочими хепенингами), в основном за границей. Никогда не был богемой и тусовщиком: "Не пью и не вижу никакого обаяния пьяного человека, не курю и никогда не был развратником". По свидетельству очевидцев - человек очень доброжелательный, но крайне замкнутый. И с упрямством поговоришь для него проблема. Цензурную лексику в стихах употребляет, но только по художественной необходимости.

Также он не чурается работы с малоизвестными авторами (а не только с пушкинским имиджем) и даже утверждает, что чем ярче личность, чем внятнее ее язык, тем менее она его привлекает - сомнамбулически мало. Также у него "нет представления, что все, что я делаю, непременно должно быть любимо всеми, а тот, кто меня не любит, - либо идиот, либо подлец. Для меня то, что я делаю, - действительно важно и ценно, но почему оно для кого-то должно быть ценным?"

- Дмитрий Александрович, а у вас друзья есть?

- Что значит - друзья? Есть люди, с которыми я говорю на одном языке... А ни школьных, ни институтских друзей у меня не осталось. Я вообще человек со "смытым иммунитетом". Я в Берлине, например, год провел совершенно один, не зная хорошо немецкого языка. Я не очень привязываюсь. Ни к чему. И больших проблем у меня с этим не было.

Вот, казалось бы, и готов портрет рыцаря без страха и упрека от культуры. Но - "Народ с одной понятен стороны / С другой же стороны он непонятен... / А ты ему с любой понятен стороны / Или с любой ему ты непонятен / Ты окружен - и у тебя нет стороны / Чтобы понятен был, с другой же - непонятен". И народ, вопреки культурным задачам Дмитрия Александровича, вопреки культурологическим изысканиям соратников, про "вымывтую посуду" будет цитировать не с целью разрушения некоего мифа, и про то, что "чем больше Родину мы любим - тем меньше нравимся мы ей!", мы можем сказать в любой день при любом политическом строе. ...Должно быть, Дмитрию Александровичу это действительно не очень интересно.

Но когда такая плохо определяемая субстанция, как "талант", у человека есть, - он может спокойно переживать взлеты и падения течений и направлений, об отклике широких масс он может не заботиться, классиков литературы до конца дочитывать ему не обязательно, Солженицына можно считать поп-героем, можно получить Пушкинскую (и даже Нобелевскую) премию и подвергаться нападкам молодых критиков. Называть его будут все по имени и отчеству, а понять задачу, наверное, все равно никто до конца не поймет...

Лариса ВИННИК

Прислав Дмитрий Александрович

95

опыт - форма, в. тупичок к. - Врученность и фактальность - 1995 - 211 - с. 4